

КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА О ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ¹

В. И. ГУЦУЛЯК,

доктор юридических наук, профессор,
Академия публичного управления при
Президенте Республики Молдова

SUMMARY

On October 24th 2008 Contravention of Law of the Republic of Moldova was adopted, which was promulgated on the 29th of December, 2008, published on the 16th of January 2009 and so be in force starting with the 31st of May 2009.

The new Contravention of Law has many priorities compared to the previous one but there are some vaguenesses, as well. They refer in particular to the juridical device of the application of legal proposition. In this article there is a juridical analysis on the new law according to which a number of improved recommendations are suggested.

104

Наиболее распространенными, апробированными наукой и практикой, формами обеспечения правопорядка являются: **общая профилактика** – воздействие на причины и условия совершения преступлений и административных правонарушений – и **индивидуальная профилактика** – воздействие на сознание лиц, которые уже вступили в конфликт с законом, с целью их перевоспитания, или лиц, от которых можно ожидать противоправного поведения, с целью его недопущения.

Основными методами воздействия субъектов управления (органов местного публичного управления) на управляемые объекты являются: **убеждение и принуждение**.

Соответствие избранных форм и методов деятельности по обеспечению

правопорядка социально-экономической и криминологической характеристикам конкретного региона обеспечивает максимальную эффективность данной деятельности.

И всё же, залог успеха деятельности всех субъектов, обеспечивающих правопорядок, в том числе борьбу с делинквентностью, в большой степени **кроется в правовом обеспечении данной деятельности**. В деле предупреждения и пресечения административных правонарушений, применения мер государственного принуждения к лицам, виновно совершившим административные правонарушения, основополагающим, специальным законом является **Кодекс Республики Молдова об административных правонарушениях**.

24 октября 2008 принят „Кодекс

Республики Молдова о правонарушениях”, который был опубликован 16 января 2009 и вступил в законную силу 31 мая 2009 года. С этого дня отменён Кодекс Республики Молдова об административных правонарушениях, принятый 29 марта 1985.

Однако, по нашему мнению, новый закон не лишён многих неточностей, спорных моментов, а порой и серьёзных юридических коллизий¹. Разрешение некоторых из них, по нашему мнению, являлось объективной необходимостью ещё до обретения юридической силы данного закона.

Появление нового законодательства в сфере борьбы с административными правонарушениями - событие давно ожидаемое, т.е. многие положения Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) уже давно не отражали реальную действительность социально-экономического развития страны, профилактики правонарушений, в том числе административных. Со дня принятия (29.03.1985 г.) он претерпел более двухсот изменений и дополнений.

Работа по разработке нового законодательства в области борьбы с делинквентностью началась давно. Достаточно отметить, что проект нового Кодекса об административных правонарушениях (соавтором которого был автор настоящей статьи) был принят в первом чтении Постановлением Парламента Республики Молдова № 532-XIV от 22 июня 1999 г.

Как и любой другой закон, в особенности, если он является весьма значимым, одновременно с обретением юридической силы, нуждается во

всестороннем и скрупулёзном изучении с целью осознания основных его положений, уяснения механизма применения.

Мы предприняли попытку такого юридического анализа, консультируя национальную доктрину и национальное законодательство в области административного права, доктрину и законодательство других государств и, в первую очередь, таких как Румыния, Российская Федерация, Украина, Беларусь, Казахстан и др., применяя личный опыт нормотворческой и правоприменительной деятельности (рамки настоящей публикации не дают нам возможность делать ссылки на все консультируемые источники) и предлагают некоторые его выводы, не претендуя на бесспорность и на истину в последней инстанции.

Полагаем, что новый Кодекс, принятый 24 октября 2008 г. имеет много преимуществ перед прежним законом, а именно: с момента его появления, *de jure*, закрепляется концепция появления „административно-деликтного права” как новой самостоятельной отрасли права (*Dreptul contravențional*); законодательно закреплены существующие в теории административно-деликтного права такие юридические институты, как: *констатирующий субъект, административно-деликтная ответственность, административно-деликтный процесс, юридическое лицо – как субъект административно-деликтной ответственности*, и др., особенная часть Книги первой (материальное право) Кодекса имеет структуру, логически построенную значительно более удачно; появились

новые участники производства по делам об административных правонарушениях, такие как: *констатирующий субъект, прокурор, специалист*.

Авторы осуществляли юридический анализ нового закона, в первую очередь, сквозь призму осознания отражённого в нём юридического механизма регулирования процесса борьбы с делинквентностью в стране, которая представляется нам довольно распространённым и опасным социальным явлением. Об этом красноречиво говорят цифры **зарегистрированных** в стране административных правонарушений: 2004 год – 1103000; 2005 год – 1098000; 2006 год – 784000; 2007 год – 731000; 2008 год – 744000.

Именно с этих позиций, а также с позиции механизма применения данного закона, **считаем, что он далёк от совершенства**. В рамках данной публикации изложим только некоторые положения осуществлённого анализа.

1. Полагаем что само название закона „Кодекс Республики Молдова о правонарушениях” не отражает его содержания и, мягко говоря, является неверным. Юридическая наука давно определилась, что „*правонарушение*” есть нарушение любой юридической нормы различных отраслей права. Да и с точки зрения лингвистики, тоже вроде бы всё ясно. Советский энциклопедический словарь разъясняет: „Правонарушение есть виновное противоправное деяние, совершённое вменяемым человеком, достигшим установленным законом возраста”. Правонарушения делятся на

„преступления” и „проступки (гражданские, административные, дисциплинарные)”.

Юридический энциклопедический словарь ещё в большей мере детализирует данное понятие, предписывая, что *правонарушения подразделяются на: гражданские, административные, дисциплинарные*. Наиболее опасным видом правонарушения является **преступление**. За правонарушение законом предусмотрена соответственно *гражданская, административная, дисциплинарная и уголовная ответственность*.

Таким образом, по нашему мнению, неточность названия анализируемого закона является очевидной и он мог бы быть назван „Кодекс Республики Молдова об административных правонарушениях”. Дословный перевод с государственного языка „Codul contravențional” является ошибочным и недопустимым.

II. **Общая часть Первой книги (материальное право)**. Тут мы коснёмся только трёх юридических институтов: *правонарушение, субъект административно-деликтной ответственности и система административно-деликтных взысканий*.

1. Ст. 10 Кодекса предписывает: „**Правонарушением** является виновное противоправное деяние (действие или бездействие), представляющее меньшую социальную опасность, чем преступление, посягающее на охраняемые законом ценности, предусмотренное кодексом наказуемое согласно установленной ответственности за правонарушение”.

Во-первых, какое правонарушение? Нарушение нормы права, какой отрасли?

Во-вторых, как понять „...и наказуемое согласно установленной ответственности за правонарушение”? За совершение правонарушения существует установленная законом и уголовная, и дисциплинарная, и гражданская, и административная ответственность.

Полагаем, что ст. 10 могла бы именоваться „Административное правонарушение” или „Административный деликт” и иметь следующую редакцию: „Административным правонарушением является противоправное, виновное деяние (действие или бездействие), представляющее меньшую социальную опасность, чем преступление, посягающее на охраняемые законом ценности, предусмотренное настоящим кодексом и влекущее возможность применения административно-деликтных санкций”.

Также полагаем, что повсему тексту закона слово „правонарушение” следует заменить словами „административное правонарушение”.

2. Согласно предписанию ст. 16 ч. (1) Кодекса о правонарушениях (в дальнейшем - Кодекса) подлежит ответственности дееспособное физическое лицо, достигшее к моменту совершения правонарушения возраста 18 лет. Физическое лицо в возрасте от 16 до 18 лет несёт ответственность за совершение какого-либо из правонарушений, предусмотренных статьями 228-245 и 263-311 Кодекса (ст. 16 ч. (2)). Если учесть, что ст. 228-245 — это

правонарушения в области дорожного движения, а ст. 263-311 - правонарушения в области предпринимательской, налоговой, таможенной деятельности и ценных бумаг, правоотношения активными сторонами которых несовершеннолетние не являются, то напрашивается вывод: согласно новому закону административно-деликтная ответственность фактически наступает только по достижению физическим лицом 18-летнего возраста. Напомним, что ныне ещё действующий закон предусматривает наступление административной ответственности, начиная с 16 лет (ст. 12 КоАП РМ).

Считаем, что данная позиция законодателя не обоснована, не базируется на материальных источниках права (реальному социальному и экономическому развитию общества) и поэтому не будет способствовать успешному обеспечению правопорядка и, в первую очередь, поддержанию надлежащего общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Во-первых, известно, что формальные источники права, в том числе административно-деликтные, должны базироваться на материальных источниках права, вытекать из них. Модификация формальных источников права должна строго соответствовать экономическим и социальным изменениям, происходящим в обществе, именно общество, на различных этапах своего развития, решает, какие общественные отношения должны охраняться нормами морали, какие - традициями и обычаями, а какие -

нормами права и какой отрасли права.

Исходя из данной позиции, невозможно понять, почему на момент принятия прежнего закона (1985 г.) законодатель посчитал, что лицо, достигшее 16-летнего возраста, является дееспособным, может быть полноправной стороной административно-правового отношения, в том числе, нести ответственность за виновное совершение административного правонарушения, а спустя 23 года развития общества, административная дееспособность наступает только по достижении 18-летнего возраста.

Во-вторых, что касается административно-деликтной ответственности лиц в возрасте от 16 до 18 лет (ст. 16 ч. (2)), то данная норма права, по нашему мнению, вообще лишена всякой логики. Исходя из национальной доктрины уголовного права, при определении возраста, с которого наступает ответственность, законодатель взял за основу степень общественной опасности содеянного (ст. 16, 21 УК РМ). И вполне логично, что данный принцип (критерий) должен был быть применён и при определении возраста, по достижении которого наступает административно-деликтная ответственность. Так неужели виновное совершение несовершеннолетним какого-либо из правонарушений в области дорожного движения (ст. 228-245) либо в области предпринимательской, налоговой, таможенной деятельности (ст. 263-311) представляет большую социальную опасность, чем совершение какого-либо из следующих правонарушений: умышленное причинение легких

телесных повреждений, либо жестокое обращение, нанесение ударов, применение других насильственных действий, либо повлекшие кратковременное расстройство здоровья или незначительную, но стойкую утрату трудоспособности (ст. 78); занятие проституцией (ст. 89); злонамеренное неподчинение законному распоряжению или требованию сотрудника правоохранительных органов (ст. 336); оскорбление и оказание сопротивления сотруднику правоохранительных органов (ст. 353); мелкое хулиганство (ст. 354); распитие спиртных напитков в общественных местах и появление в таких местах в состоянии алкогольного опьянения (ст. 355 Кодекса) и др., при совершении которых ответственность наступает только по достижении 18 лет?

Реальное состояние делинквентности в стране подтверждает обратное. Только согласно данным МВД в 2008 году по стране несовершеннолетними было совершено 561 мелкое хулиганство и 3037 фактов появления в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения.

Поднятие возрастной планки возраста, с которого наступает административно-деликтная ответственность (с 16 на 18 лет), трудно понять и с других соображений. Известно, что цель любого законодательного акта, в т.ч. Кодекса об административных правонарушениях, - выработка юридического механизма осуществления деятельности по предупреждению административных правонарушений, их пресечению во имя минимизации наступающих вредных последствий, реализации принципа „неотвратимости наказания за содеянное”,

ресоциализации лиц, вступивших в конфликтные отношения с законом. Чем раньше обществом будет дана осуждающая оценка противоправного поведения конкретного индивида, чем раньше к данному лицу будут приняты меры по его перевоспитанию, тем больше гарантий, что данное лицо будет правопослушным в будущем. Начиная с 31 мая 2009 года, (дата вступления в законную силу Кодекса), все несовершеннолетние, которые были в конфликте с законом, выпадают из правового поля и у сотрудников правоохранительных органов, в первую очередь, служб по делам несовершеннолетних не будет юридического механизма воздействия на тех из них, которые склонны к совершению различных правонарушений. А это солидная группа молодёжи. Только по данным МВД за совершение различных административных правонарушений были привлечены к административно-деликтной ответственности лица в возрасте от 16 до 18 лет: 2006 год – 4837 несовершеннолетних; 2007 год – 4701 несовершеннолетний; 2008 год – 4353 несовершеннолетних.

И ещё один аргумент ошибочности, на наш взгляд, решения об увеличении возрастного ценза. На сей раз обратимся к проблеме борьбы с наркоманией, проблеме весьма значимой для нашей страны. В подтверждение данного тезиса приведём динамику выявления и постановки на учёт в учреждениях здравоохранения и органах полиции потребителей наркотических и других психотропных веществ. По состоянию на 01.01.2007 года, в целом по стране, состояло на учёте 8972 наркомана, из

которых: несовершеннолетние – 134, женщины – 721; на 01.01.2008 года – соответственно, 9132, 146 и 768 лиц; на 01.01.2009 года, соответственно, 9954, 137 и 782 лица. Согласно выводам многочисленных научных исследований в сфере борьбы с наркоманией, для осознания фактического распространения данного социального явления и его реальной опасности, официальные статистические данные следует умножить на коэффициент 10-15.

В соответствии с Кодексом об административных правонарушениях (1985 г.) административно-деликтная ответственность за потребление наркотических веществ без назначения врача наступала с 16 лет, согласно новому закону - с 18 лет. В данном случае правомерен вопрос: „А как быть с теми 137 несовершеннолетними, которые уже состоят на учёте как наркоманы и по отношению к которым в настоящее время проводятся определённые профилактические мероприятия”? Более того, по действующему уголовному законодательству, за потребление наркотических и других психотропных веществ в публичных местах (ст. 215/5 УК РМ) наступает уголовная ответственность, причём начиная с 16-летнего возраста.

Исходя из вышеизложенного, трудно говорить о том, что решение законодателя об увеличении возрастной планки наступления административно-деликтной ответственности базируется на реальном состоянии борьбы с делинквентностью или исходит из практики других стран мира, тем более, что такой практики просто не существует. Например, в Румынии установлена административно-

деликтная ответственность, начиная с 14 лет; в Белоруссии – с 16 лет, а по отдельным видам административных правонарушений – с 14 лет; в Российской Федерации, в Украине, в Казахстане и Армении – с 16 лет. Следует напомнить тот факт, что в проекте Кодекса, принятого в первом чтении 22 июля 1999, тоже предусматривалась административно-деликтная дееспособность, начиная с 14-летнего возраста. Убеждены в том, что данное решение законодателя не будет способствовать совершенствованию борьбы с делинквентностью, я скорее, наоборот, усложнит процесс её осуществления.

3. Представляется неоправданным невключение в систему административно-деликтных наказаний (ст. 32 Кодекса) такого его вида, как „конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения”, который имеется в ныне действующем законе (ст. 23 КоАП РМ), в законодательстве об административных правонарушениях Румынии, Российской Федерации, Армении, Украины, Белоруссии, Киргизии и др. стран.

Этот вид административно-деликтного наказания был, есть и будет (в тех странах, которые не отказались от него) эффективным правовым инструментом борьбы с административными правонарушениями в сфере экономики и торговли. Так, только сотрудниками экономической полиции МВД за противоправные действия в этих сферах было конфисковано материальных ценностей, являющихся орудием совершения или предметом

административного правонарушения: в 2006 году – на сумму 28680000 лей; в 2007 году – на сумму 20234000 лей; за 9 месяцев 2008 года – на сумму 23202000 лей.

Выше мы отмечали, что Особенная часть Первой книги Кодекса представляется нам более удачной, тем не менее и она не лишена определённых неточностей и спорных положений. Выделим только некоторые из них.

1. В новом законе, в отличие от прежнего, в ней нет такого правонарушения как „Распитие спиртных напитков на производстве” (ст. 168 КоАП РМ). Это означает, что, по мнению законодателя, общественные отношения, возникающие по поводу распития спиртных напитков на рабочих местах, в помещениях и на территории предприятий, учреждений, организаций или пребывания на работе в нетрезвом состоянии уже не актуальны и не представляют общественной опасности. Не можем разделить такую позицию законодателя. Она противоречит реальной действительности.

2. Редакция диспозиций отдельных материальных норм, по нашему мнению, оставляет желать лучшего. Например, диспозиция ст. 355 ч. (2) имеет следующую редакцию: „Появление в общественных местах в состоянии опьянения, вызванного алкоголем или другими веществами, при котором лицо потеряло способность передвигаться самостоятельно, - *подч. нами...*” В данном случае субъект правонарушения уже не представляет ни для кого какой-либо опасности и, наоборот, он может явиться объектом противоправного посягательства.

Трудно понять, что подразумевает законодатель под термином „... опьянения, вызванного другими веществами...” Какими именно веществами? Если подразумеваются наркотические или иные психотропные вещества, то их потребление в общественных местах образуют состав преступления и наказывается в уголовном порядке, причём, начиная с 16 лет. Убеждены в том, что указанная правовая норма, в данной редакции, не будет способствовать успешному пресечению данного вида правонарушений.

Другим подтверждением указанного выше тезиса может служить редакция диспозиции ст. 354 „Мелкое хулиганство”. Указанная норма предписывает: „Мелкое хулиганство, то есть оскорбительные приставания в общественных местах к физическим лицам, другие подобные действия, нарушающие нормы морали, общественный порядок и спокойствие физических лиц...” *Во-первых*, каково содержание термина „... оскорбительные приставания... к физическим лицам”? Ведь каждое физическое лицо может иметь своё, сугубо субъективное, содержательное его наполнение. *Во-вторых*, за нарушение нормы морали не наступает юридическая ответственность. Несоблюдение положений норм морали не влечёт за собой появление административно-правовых отношений конфликтного характера. Такая редакция диспозиции ст. 354 Кодекса, по нашему мнению, создаёт условия для слишком широкой её трактовки и, неминуемо, приведёт к проявлению фактов субъективизма как

со стороны констатирующих субъектов на стадии констатации данных видов правонарушений, так и со стороны судей – на стадии рассмотрения дела и принятия решения по делу.

Исключение из КоАП РМ таких правонарушений, как „распитие спиртных напитков на производстве” и исключение из состава правонарушения „распитие спиртных напитков в общественных местах либо появление в них в состоянии опьянения” в редакции ныне действующего закона (ст. 355 Кодекса) принципа повторности как квалифицирующего признака, а значит, и смягчение наказания; поднятие планки возраста, с которого наступает административная ответственность с 16 до 18 лет за распитие спиртных напитков в общественных местах либо появление в этих местах в пьяном состоянии (как равно и за потребление наркотических и других психотропных веществ, без назначения врача) свидетельствует, по нашему мнению, о недооценке общественной опасности пьянства и алкоголизма.

Данные изменения в законе не вытекают из реального состояния дел (статистика совершения данного вида правонарушений в стране неутешительна), не базируются на каких-либо научных исследованиях. К сожалению, научных исследований по данной проблематике в стране нет. Выводы о влиянии пьянства на развитие этноса, на здоровье нации, на состояние преступности и т. д. можно делать на основании изучения иных источников. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, когда в стране

приходится более 8 литров чистого алкоголя на душу населения в год, начинается угасание этноса. В России, например, выпивается от 14 до 18 литров. Там, в год от различных последствий алкоголя – сердечнососудистых и многих других болезней, травматизма, преступности, самоубийств – преждевременно погибают около 750 тысяч человек. В большей части это мужчины трудоспособного возраста.²

Мы не располагаем данными о том, сколько литров чистого алкоголя на душу населения в год приходится в нашей стране, но полагаем, что по данной позиции мы существенно не отстаём от России.

Учёные многих стран уже давно доказали прямое влияние пьянства на продолжительность жизни. Чтобы понять, что главный инструмент убийства народа именно алкоголь, приведём лишь пару примеров. По данным статистики России смертность мужчин трудоспособного возраста в тюрьмах в три раза меньше, чем на свободе. Это означает, конечно, не то, что в тюрьмах комфортная жизнь, а то, что там доступ к алкоголю исключён или весьма ограничен.³ Всемирная организация здравоохранения недавно опубликовала прогноз о предполагаемой продолжительности жизни выпускников школ нынешнего года в разных странах. Согласно этим исследованиям, в Англии (где уровень потребления алкоголя на душу населения значительно ниже, чем в России) до пенсии доживут 90 % юношей – выпускников школ 2009 года, а в России – 40%.⁴

Прямое воздействие пьянства на состояние преступности доказано

давно. Беда в том, что после употребления алкоголя у некоторых лиц возникает странная агрессия. От неё до административного проступка либо преступления путь совсем короткий. По данным правоохранительных органов, около 80% убийств и почти 50% самоубийств совершается в состоянии алкогольного опьянения. Половина убитых людей в момент преступного посяательства на них находилась в пьяном состоянии. Не говоря уже о хулиганстве – более 90%.

3. Считаю необоснованным и нецелесообразным исключение административного ареста, как меры административно-деликтного наказания, из санкций таких материальных норм, как „Мелкое хулиганство” (ст. 354), „Стрельба из огнестрельного оружия в общественных местах” (ст. 363), „Злонамеренное неподчинение законному требованию или распоряжению сотрудника правоохранительных органов” (ст. 336), „Незаконное приобретение или хранение наркотических или иных психотропных веществ в малых размерах либо потребление таких веществ без назначения врача” (ст. 85 Кодекса) и др. В санкциях указанных статей „административный арест” заменён „неоплачиваемым трудом в пользу общества”. Однако, если учесть тот факт, что согласно предписаниям ст. 37 ч. (3) Кодекса последний вид наказания „... может быть применён только к лицам, давшим согласие на исполнение такого наказания”, то за совершение данного вида административных правонарушений может быть применён, в основном, штраф, что вряд ли явится

эффективной мерой государственного принуждения за такие деяния и вряд ли явится наказанием, пропорциональным степени общественной опасности данных посягательств на охраняемые законом социальные ценности.

4. Трудно понять механизм установления санкций отдельных материальных норм. Известно, что вид наказания и его степень, содержащиеся в санкции материальной нормы, должны соответствовать значимости, охраняемых диспозицией социальных ценностей и степени общественной опасности посягательства на эти ценности. Да и сам закон декларирует данный принцип соответствия санкции социальным ценностям, содержащимся в диспозиции, предписывая в ст. 41 ч. (1) что „наказание за правонарушение назначается в зависимости от характера и степени вреда, причинённого правонарушением, от характеристики лица и смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств”. По нашему мнению, во многих материальных нормах нового закона существует диспропорция между значимостью, охраняемых диспозицией социальных ценностей, и степенью общественной опасности посягательств на них, с одной стороны, и видом наказания, его мерой, содержащихся в санкции, с другой стороны. В качестве аргумента данного мнения приведём только один пример. Санкция ст. 233 „Управление транспортным средством в состоянии опьянения, вызванного алкоголем или другими веществами” предусматривает

„...лишение права управления транспортным средством на срок 3 года”. В то же время, уклонение водителя транспортного средства от теста на определение состояния опьянения, вызванного алкоголем или другими веществами (ст. 234 Кодекса), влечёт лишение права управления транспортным средством на срок 1 год или назначение наказания в виде административного ареста на срок до 15 дней, такая же санкция может быть применена и за оставление виновным лицом места дорожно-транспортного происшествия (ст. 243 Кодекса). Так какое же из данных трёх правонарушений представляет наибольшую опасность для обеспечения дорожного движения, первое – где санкция является более жесткой, или последующие два, - где санкции являются более мягкими.

Думаем, что если указанная диспропорция между степенью общественной опасности посягательств на социальные ценности, содержащиеся в диспозициях указанных двух правовых норм, и мерой государственного принуждения, содержащегося в санкциях, не будет устранена до вступления в законную силу Кодекса, последние две юридические нормы не будут способствовать предотвращению данных, довольно общественно опасных, правонарушений, а, скорее всего, будут стимулировать совершение этих деяний.

5. В отдельных материальных нормах в процессе установления санкций не были учтены общие положения, содержащиеся в Общей части Книги первой Кодекса. Так, санкция ст. 168 Кодекса предписывает

„... наложение штрафа на физических лиц в размере от 40 до 60 условных единиц и на должностных лиц в размере от 70 до 100 условных единиц со сносом (подч. нами.) строений и раскорчёвкой деревьев и кустарников собственником или в принудительном порядке органами местного публичного управления за счёт собственника”.

Из содержания данной санкции вытекает, что административная комиссия, при рассмотрении данной категории дел, в обязательном порядке должна применять в качестве дополнительного наказания снос

строений или раскорчёвку деревьев и кустарников. Но, на каком основании? Каков будет механизм исполнения такого решения? Ведь данные меры государственного принуждения не содержатся ни в ст. 32 Кодекса – как вид наказания, и ни в ст. 432 Кодекса – как мера процессуального принуждения. Полагаем, что на данный момент отсутствует процессуальный механизм реализации материальной нормы содержащейся в ст. 168 Кодекса.

(Окончание в следующем номере)

БИБЛИОГРАФИЯ

¹ Юридическая коллизия - это комплексное правовое понятие, расхождение или противоречие не только между отдельными нормативными правовыми актами (или отдельными нормами внутри нормативного акта), регулирующими одни и те же, либо смежные общественные отношения, но и противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления компетентными органами и должностными лицами своих полномочий.

² Архимандрит Тихон. Сегодня пьянство – самая серьёзная угроза для России. “Комсомольская правда” от 14-21 мая 2009, стр. 6-7.

³ Там же.

⁴ Там же.

Представлен: 10 ноября 2009 г.

*Рецензенты: Андрей СМОКИНЭ, доктор хабилитат права, профессор
Штефан СТАМАТИН, доктор права, доцент*

E-mail: gutuleac24@mail.md   yolantavictoria@yahoo.com